

интервью физика полимеров

— Еще один административный вопрос: вы были председателем Совета по науке при Минобрнауки, взаимодействовали с ФАНО. Теперь этого агентства нет — какую роль оно сыграло в истории российской науки?

— Совет по науке при министерстве был сформирован в 2013 году еще за пару месяцев до реформы РАН, потом было организовано Федеральное агентство научных организаций, ФАНО. Совет по науке тогда занял активную позицию в реформе науки, взаимодействовал и с ФАНО, оставаясь структурой министерства и при министре Дмитрие Ливанове, и при министре Ольге Васильевой. Какие-то вещи в деятельности агентства мы критиковали, что-то поддерживали. ФАНО сыграло свою роль, и хотя делало много ошибок, но выполнило главное — не допустило коллапса в управлении академическими институтами. Изначально было понятно, что это переходная структура. Сейчас проблема скорее в том, что ФАНО почти в полном составе переместилось в министерство, и тут они должны понимать, что министерство — не агентство, тут более широкие полномочия, но и более широкие обязанности. Я не сторонник того, чтобы с самого начала критиковать создаваемые структуры, но все же я в своей жизни видел работу многих разных министерств, связанных с наукой (начиная с министра Салтыкова), и хотелось бы пожелать коллегам большей нацеленности на диалог с научным сообществом. Конечно, можно эффективно взаимодействовать с начальством, это тоже важно и нужно, но если не принимать во внимание те слои сообщества, которыми ты руководишь, ничего хорошего из этого не будет. Если научное сообщество будет в оппозиции к реформам, то сколько денег ни влей, ничего не получится. Надо объяснять, терпеливо вести диалог, и мы пытаемся этот процесс сейчас выстроить. Министерство вроде бы прислушивается, но хотелось бы, чтобы это происходило более выражено. Сейчас из министерства приходят разнонаправленные сигналы, есть ощущение, что не все это понимают, но еще раз повторю: без диалога с учеными, без разъяснения в реформе ничего не получится. Я понимаю, что бывают и какие-то демагогические заявления ученых, но единственный путь — четко и терпеливо разъяснять, почему вот это неправильно, что можно сделать в такой-то ситуации и так далее. Чиновники министерства постоянно находятся под стрессом всяких дедлайнов, необходимостью отчитаться наверх, и это надо понимать, с одной стороны, а с другой — дедлайн это прекрасно, но одновременно надо много и подробно говорить с учеными и передоверять им решение многих вопросов. Конечно, надо заботиться и о том, чтобы не было конфликта интересов. Я плохо отношусь к ситуации, когда ученые достигли определенного уровня и начинают тянуть одеяло на свою лабораторию, институт. Ни в коем случае этого не надо делать, если тебе поручено какое-то дело, то ты должен абстрагироваться от интересов лаборатории и пытаться жить общими интересами. Я горжусь, что за те десять лет, которые я был проректором МГУ, в мою лабораторию за счет МГУ не было куплено ни одного прибора. Мы все покупали за счет грантов, контрактов с промышленными компаниями. Связанное с этой темой утверждение: лаборатория, если она была создана хорошо, так и будет развиваться, иначе ты что-то сделал не так, если без тебя сразу все разваливается.

— Международные научные связи — одно из важнейших условий работы ученых. Как повлияла внешнеполитическая ситуация на контакты российских и зарубежных ученых?

— Никак не повлияла, все идет столь же интенсивно, как и раньше: конференции, научные обмены продолжают. Мой отец говорил, что не бывает ученых советских, американских, европейских; ученый или хороший, или плохой. Есть профессиональная солидарность, и хороший ученый всегда хорошо относится к другому такому же хорошему ученому — за исключением патологических случаев, вызванных внеучной ссорой. Мы коллеги и стараемся друг друга поддерживать, вне зависимости от того, в какой стране работаем. Эти неформальные профессиональные сети очень устойчивы, и сиюминутные политические разногласия не могут преодолеть профессиональной солидарности. Можно привести пример связей российских и украинских ученых: если это хорошие ученые, то ничего не изменилось, они прекрасно друг друга понимают, контактируют, встречаются на международных конференциях. Если это конъюнктурщики, что о них говорить — не

они определяют картину науки. Ничего не изменилось и в возможности публикации материалов за рубежом. Система публикаций сейчас в принципе претерпевает трансформацию, но не в сторону каких-то дискриминирующих вещей, о которых иногда говорят мои коллеги. Я также наблюдаю очень хорошее отношение к молодым ученым из ведущих российских лабораторий. Понимаете, ученые мало подвержены пропаганде, привыкли думать своей головой.

— Продолжая тему научных публикаций: каково Ваше мнение о российской научной периодике, в том числе о ситуации с издательством «Наука»?

— Я занимаюсь научной периодикой, журналами РАН с конца 2017 года, и ситуация в издательстве «Наука» для меня возникла как данность. Сразу после выборов нового руководства РАН они к нам пришли и сказали, что «Наука» не сможет принимать участие в аукционах на издание журналов. По-видимому, там были какие-то ошибки в руководстве в предыдущий период, не мне об этом судить. Ничего уникального в издательстве «Наука» нет, имеется много других издательств, войдешь в книжный магазин, там лежат полки от научно-популярных книг. Издательский бизнес очень конкурентный, мы стали проводить прозрачные аукционы, их выигрывали разные компании. В последнем аукционе из-за конкурентной борьбы издательств произошло существенное снижение цен по всем номинациям. Наша задача, чтобы журналы выходили, развивались, становились более международно известными, мы не привязаны к какому-то одному издательству. Журналы Российской академии наук — самые топовые научные журналы, в Web of Science Core Collection 172 российских журнала, из них 154 журналы РАН и только 18 — не академические. Наши журналы востребованы, я сейчас провожу заседания бюро разных отделений РАН, убеждаю коллег, что журналы — та часть научной деятельности, которая к министерству не имеет отношения, это прерогатива РАН по закону, и поэтому только от нас зависит, как журналы будут востребованы, как хорошо они будут развиваться.

— Но то научные журналы, а научно-популярные, как было в моем детстве: «Наука и жизнь», «Юный техник», что с ними?

— Научно-популярные журналы — особенная статья, мы их сейчас не включали ни в какую тематическую базу, будем по-другому их поддерживать.

РАН — учредительница четырех таких журналов: «Природа», «Земля и Вселенная», «Энергия» и еще «Человек», мы этот журнал, правда, включили в базу данных гуманитарных журналов, которые разыгрывались на аукционе. Требуется существенная перестройка работы этих изданий, и мы этим, безусловно, займемся. Это ответственность РАН, чтобы журналы продолжали выходить, стали более качественными, чтобы мы могли заказывать материалы наиболее талантливым популяризаторам науки.

— О свободном времени — чему вы его посвящаете, когда оно появляется?

— Свободное время возникает не знаю когда — в самолете, поезде, может быть. Но и это бывает крайне редко, всегда есть перечень дел, которые надо сделать. Сейчас с развитием средств коммуникации везде можно воспользоваться интернетом, то есть продолжать работать. У меня нет какого-то особенного хобби, время от времени читаю книги по истории, весьма эпизодически что-то из художественной литературы. Необходимость в так называемом свободном времени возникает тогда, когда человек долгое время занят монотонной работой и ему надо освободить руки и голову, занять их чем-то другим. У меня же постоянно происходит переключение с одного на другое: только что прошли слушания, сейчас я даю интервью, потом пойду на заседание, потом на научный семинар, потом надо решать проблемы с аспирантами. Это настолько разноплановые вещи, что здесь не требуется какого-то хобби. Я стараюсь приходить на работу как можно раньше, когда никого еще нет, и несколько часов занимаюсь научной работой, потом начинают появляться люди, возникают другие заботы. Знаю, что хирурги тоже стараются проводить операции в утренние часы, пока голова свежая и руки не уставшие. Ну а потом можно участвовать в заседаниях и давать интервью.

Интервью взял ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВ, группа «Прямая речь»

